

УДК: 94(367)
ББК: 63.3(4)5

Н. Е. Домрачев
МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

**Россия, Речь Посполитая и вопрос о восстановлении
постоянных дипломатических представительств
в конце 1680-х гг.**

В последней трети XVII столетия дипломатические отношения между Московским государством и Речью Посполитой претерпели значительную модернизацию: при русском и польском дворах появились постоянные дипломатические представители, которых современники называли «резидентами». Этот процесс был связан с возрастанием интенсивности контактов между двумя странами перед лицом османского наступления в Восточной и Центральной Европе. Однако наличие общей внешней угрозы не привело к разрешению исторических противоречий между Московским и Польско-Литовским государствами. Это неизбежно отразилось и на функционировании постоянных миссий: в 1677 г. они были ликвидированы. Лишь после заключения договора о Вечном мире в 1686 г. были вновь созданы условия для возобновления деятельности резидентов. При этом окружение короля Яна III Собеского и правительство кн. В. В. Голицына имели разное представление о наборе функций и задачах учреждаемых дипломатических представителей. Большую роль в возобновлении института «резиденций» сыграло и взаимное недоверие правящих кругов обеих стран друг к другу, и их желание контролировать основные действия союзника.

Ключевые слова: Россия, Речь Посполитая, русско-польские отношения в XVII в., постоянное дипломатическое представительство, Вечный мир.

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.04

В последней трети XVII в. отношения России и Речи Посполитой приобретали все более интенсивный характер. Этому способствовали попытки сближения двух государств на основе совместного противостояния усилению османского влияния в Восточной Европе. Прологом сближения двух исторических противников стало заключение в декабре 1667 г. Московского союзного договора, предусматривавшего

совместные действия обеих держав в случае казацких мятежей и наступления османских или крымских войск. Договор стал реакцией на принятие гетманом Правобережной Украины Петром Дорошенко подданства султана Мехмеда IV¹.

Известия о намерении турецких войск вторгнуться в Подолию в 1672 г. актуализировали русско-польский союз. В марте того же года посольство Яна Гнинского на переговорах в Москве подтвердило условия Андрусовского перемирия и оборонительный антиосманский союз между Московским государством и Речью Посполитой².

По договору, заключенному в Москве 30 марта (9 апреля) 1672 г., русская сторона брала на себя обязательства в случае нападения на Польско-Литовское государство Османской империи или Крыма послать в набеги вассальные кочевые народы, а также донских и запорожских казаков, чтобы «неприятеля от того намерения отрывать» (ст. 5). Также царь и его советники обязывались отправить посольства в Крым и Турцию, «разсоветывая сию войну» (ст. 6). Решение вопроса о военной помощи непосредственно русскими войсками было отложено (ст. 3, 7)³.

Политическая элита Польско-Литовского государства надеялась на военную помощь со стороны московских войск, и, рассчитывая на их поддержку, была готова продолжать войну даже после заключения осенью 1672 г. вынужденного Бучачского мирного договора с Портой. Необходимость согласовывать различные политические и военные вопросы, в частности остро стоявшую проблему «посилков» (военной помощи) со стороны России⁴, способствовала повышению интенсивности контактов между Москвой и Варшавой: в 1672 г. в Речь Посполитую было послано три гонца, в 1673 г. — четыре⁵. Рост ча-

1 Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 235.

2 Подробнее о ходе переговоров см.: *Wójcik Z. Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672.* Warszawa, 1968. S. 296 i n.

3 Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 1. № 513. С. 879–880.

4 Подробнее о проблеме «посилков» см.: Флоря Б. Н. Переговоры между Россией и Речью Посполитой о союзе против османов (1673–1676 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1. С. 61–75.

5 Перечень дипломатических посылок за указанный период см.: *Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России по 1800 г.* М., 1897. Ч. 3. С. 144–146.

стоты контактов, а также желание польской стороны иметь полное представление о планах и действиях царя Алексея Михайловича и его советников и контролировать соблюдение Россией заключенных соглашений привело короля Михаила Корибута Вишневецкого и его окружение к мысли послать в Россию своего постоянного представителя. В сентябре 1673 г. в Москву прибыл посланник Павел Михал Свицерский, который должен был находиться при русском дворе в качестве резидента. Он стал первым польским постоянным дипломатическим представителем в истории русско-польских дипломатических отношений. В ответ в ноябре того же года в качестве резидента ко двору короля был послан стольник и полковник Василий Михайлович Тяпкин. При организации его миссии ближайшие советники царя Алексея Михайловича Юрий Алексеевич Долгоруков и Артамон Сергеевич Матвеев во многом отталкивались от полномочий польского резидента⁶.

Однако русско-польский оборонительный антиосманский союз не был реализован на практике. Обе стороны своими действиями неоднократно нарушали его ключевые положения. Так, в частности, польская сторона фактически не допускала русских представителей на переговоры с татарскими и османскими послами в 1674 и в 1676 гг. и заключила сепаратный с точки зрения Московского договора Журавенский мир с Портой (1676). В то же время Россия с 1674 г. начала активно действовать на Правобережной Украине, оставшейся по Андрусовскому договору за Польско-Литовским государством, а вопрос о «посилках» так и остался нерешенным⁷. Все это привело к фактическому краху русско-польского антиосманского союза.

Разочарованные польско-литовские политики, несмотря на различные взгляды, достаточно единодушно нашли «виновных» в этой неудаче. Ими стали резиденты. Сторонники короля Яна III Собеского

6 Подробнее о полномочиях П. М. Свицерского см. запись переговоров в Посольском приказе 5 (15) сентября 1673 г.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. Кн. 159. Л. 51–56об. Ср. наказ резиденту В. М. Тяпкину от 12 (22) ноября 1673 г. (там же. Кн. 160. Л. 22–38об.). Также по данной проблеме см.: *Домрачев Н. Е.* Становление русского постоянного дипломатического представительства в Варшаве в 1670–1680-е гг. под руководством резидентов В. М. Тяпкина и П. Б. Возницына. Магистерская диссертация (на правах рукописи). М., 2019. С. 103–117.

7 *Флоря Б. Н.* Переговоры... С. 74.

обвинили В. М. Тяпкина в срыве переговоров о предоставлении Речи Посполитой русских «посилков» и разрушении своими «развратными письмами» русско-польского союза⁸. В частности, в письме от 8 (18) апреля 1676 г. резидент передал в Москву слова Яна III Собеского, грозившего дипломату «кнутовым караньем». Противники короля, так называемая литовская оппозиция⁹, напротив, виновником краха русско-польского союза считали своего резидента П. М. Свидерского. Представители оппозиции обвиняли его в донесении королю «многих басен», на основании которых создавались и распространялись по Европе «своемудренные пашквили» о России¹⁰. Таким образом, судьба резидентов, которые стали зримым символом русско-польского анти-османского союза для политической элиты Речи Посполитой, была решена. Царь Федор Алексеевич и его ближайшие советники благодаря донесениям В. М. Тяпкина были также осведомлены о настроениях в польском истеблишменте и поддерживали подобный сценарий развития событий. В мае 1677 г. Ян Собеский под благовидным предлогом донесения царю и его советникам содержания своей тайной беседы с русским резидентом отпустил в Москву В. М. Тяпкина. В августе того же года в Польско-Литовское государство был отозван П. М. Свидерский. В русско-польских отношениях наступил длительный период охлаждения. Впрочем, вопрос об отзыве русского и польского резидентов в 1677 г. заслуживает отдельного исследования.

Новый этап русско-польского сближения был связан с новым союзным договором — знаменитым договором о Вечном мире (1686). Он предусматривал согласованные наступательные действия московских и польско-литовских войск против Крыма и Османской империи. Вновь была поднята проблема координации действий союзных держав. Договор создавал политические условия для возрождения постоянных дипломатических миссий в России и в Речи Посполитой. Уже осенью 1687 г. в Москву прибыл польский резидент Ежи (в документах русского происхождения именуется «Юрием») Доминик Довмонт, а в январе 1688 г. в ответ в Польско-Литовское государство был послан в качестве резидента дьяк Прокофий Богданович Возницын.

8 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 178. Л. 189об.

9 Подробнее о расстановке политических сил в Великом княжестве Литовском в указанный период см.: *Wójcik Z.* The separatist tendencies in the Grand Duchy of Lithuania in the 17-th century // *Acta Poloniae historica.* 1994. № 69. S. 55–62.

10 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 182. Л. 97.

Решающее влияние на организацию возрожденных постоянных дипломатических представительств, задачи, поставленные перед резидентами, и условия, в которых разворачивалась их деятельность, оказало отношение к институту резидентов правящих элит двух стран — окружения короля Яна III Собеского и правительства кн. В. В. Голицына. В этой связи представляется важным исследовать историю появления идеи возродить «резиденции» в Москве и Варшаве и отношение к ней правящих кругов обеих держав в 1680-е годы.

В исследовательской литературе вопрос о появлении идеи возродить обмен резидентами между московским и польско-литовским государствами и ее осмыслении правительствами союзных держав специально не рассматривался. Это связано с крайне слабым вниманием всех поколений исследователей к вопросам деятельности второго русского резидента П. Б. Возницына и польского резидента Е. Д. Довмонта, которая оказалась в тени ярких политических событий конца 1680-х годов, в частности Крымских походов. Не в меньшей степени это связано с тем, что в тексте договора о Вечном мире, широко используемом исследователями, вопрос об учреждении постоянных дипломатических представительств не ставился.

К материалам русской миссии П. Б. Возницына обращались немногие историки, а в их работах освещались только отдельные сюжеты его деятельности¹¹. Только в книге польского историка А. Каминьского была предпринята попытка сделать краткий обзор истории и основных направлений работы русской миссии в Речи Посполитой в 1688–1697 гг. и польской миссии в России (1687–1694 гг.)¹². Однако вопрос о появлении идеи возродить русскую миссию в Польско-Литовском государстве в 1680-е годы А. Каминьским не рассматривался. Отдельные аспекты этой проблемы были затронуты только в работах

¹¹ Белов М. И. К истории дипломатических отношений России во время Крымских походов (1686–1689) // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. 1949. Вып. 14. С. 184; Тумов Ф. И. Русская православная церковь в Польско-Литовском государстве XVII–XVIII вв. (1654–1795 гг.). Т. I. Западная Русь в борьбе за веру и народность в XVII–XVIII вв. Первая половина тома (1654–1725 гг.). Опыт церковно-исторического исследования. С. 358; Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. I. С. 213, 216–217.

¹² О русской миссии подробнее см.: Kaminski A. Republic vs. Autocracy: Poland-Lithuania and Russia, 1686–1697. Cambridge, 1993. S. 113–145. О миссии Е. Д. Довмонта см.: Ibid. S. 146–175.

З. Вуйчика¹³, К. А. Кочегарова¹⁴ и С. С. Колегова¹⁵. Таким образом, процесс зарождения и практического воплощения идеи восстановить постоянные миссии после заключения договора о Вечном мире в мае 1686 г. и до приезда в Россию польского резидента Е. Д. Довмонта в ноябре 1687 г. не являлся предметом специального изучения.

Представляется возможным решить поставленную задачу на материалах делопроизводственной документации Посольского приказа. После заключения договора о Вечном мире интенсивность контактов между Москвой и Варшавой вновь возросла: участилась переписка между монархами с помощью «любительных» грамот, кн. В. В. Голицын вел активную переписку с влиятельными сановниками Польско-Литовского государства. В этих документах активно обсуждался круг вопросов, связанных с русско-польским союзом. Кроме того, в Речь Посполитую было послано несколько дипломатических миссий¹⁶, указы которых во многом отразили те вопросы, ответ на которые желало знать правительство кн. В. В. Голицына. Указанные документы

13 *Wójcik Z.* Epilog traktatu Grzymałtowskiego w roku 1686 // *Trudne stulecia: studia z dziejów XVII i XVIII wieku ofiarowane Profesorowi Jerzemu Michalskiemu w siedemdziesiąt rocznicę urodzin / red. Ł. Kądziela, W. Kriegeisen, Z. Zielińska.* Warszawa, 1994. S. 30–32.

14 *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 417.

15 *Колегов С. С.* Постоянные дипломатические представительства России в Европе во второй трети XVII — начале XVIII в. Автореферат дис. ... к. и. н. Екатеринбург, 2011. С. 13–14; *Колегов С. С.* Совместные антитурецкие действия России и Речи Посполитой в контексте дипломатической деятельности В. М. Тяпкина // *Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории: сб. науч. тр. студентов, аспирантов и мол. ученых.* Екатеринбург, 2008. Вып. 2. С. 78; *Колегов С. С.* Дипломатическая деятельность русских послов на территории Речи Посполитой в 1688–1700 гг. // *История в подробностях.* 2011. № 4 (10). С. 45–47; *Колегов С. С.* Проблема материального обеспечения постоянных дипломатических представительств России в Европе в третьей четверти XVII — первые годы XVIII столетий // *Научный диалог: журнал научных публикаций.* 2014. № 8 (32) (История. Экономика. Право). С. 15–37.

16 «Великое посольство» Б. П. Шереметева (июнь 1686 — январь 1687 г.), миссии гонцов В. Клобукова (сентябрь — декабрь 1686 г.), В. Айтемирева (октябрь — декабрь 1686 г.), И. Радкова (февраль — июнь 1687 г.), И. Череева (июнь — октябрь 1687 г.). Перечень дипломатических посылок см.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор... Ч. 3. С. 158.

компактно сосредоточены в коллекции «Сношения России с Польшей» (ф. 79) Российского государственного архива древних актов.

В процессе подготовки и ратификации договора о Вечном мире Посольский приказ получал различные сообщения, которые давали основания для подозрений, что мир с московским государством является не более чем коварной интригой короля Яна III. Эти сообщения стекались в Москву из Смоленска, Киева и особенно из ставки запорожского гетмана И. Самойловича.

Так, в частности, в начале февраля 1686 г. в гетманской канцелярии был допрошен выходец из польских земель Андрей Каллистратов, который случайно стал свидетелем разговора короля с венецианским резидентом: «Надеюсь на Бога, — говорил по-итальянски Ян III, — что Москву сведу [в] войну турскую, для того великие послы к Москве посланы. И как турской возъярится на Москву, вместе и я радети буду с турком покой учинить, и обращу войну на царство Московское. Которым образом удобно возмогу отобрать Заднеприе и иные места, а держать их инако не буду, толко к унеям римской привлеку, чтоб никогда к Москве не оглядывались, а потом все чинить будет возможно»¹⁷. Сведения эти были получены в русской столице еще до начала переговоров с польскими великими послами.

Подобные сообщения способствовали формированию у «оберегателя» кн. В. В. Голицына сомнений в надежности Польско-Литовского государства как партнера по борьбе с Крымом и Османской империей. Это вынуждало его задуматься о необходимости контролировать действия Яна III Собеского и отслеживать соответствие его поступков заключенному договору Вечного мира. Для наблюдения за королем необходимо было постоянное присутствие при его особе представителя Московского государства и доверенного лица «оберегателя».

Текст договора о Вечном мире не предусматривал учреждение постоянных дипломатических представителей, хотя и устанавливал правила приема и содержания дипломатов обеих договаривающихся сторон (ст. 26)¹⁸. В ходе переговоров с польскими великими посла-

¹⁷ Распросные речи А. Каллистратова см.: *Станіславський В.* Статті гетьмана Івана Самойловича щодо Вічного Миру // Україна в Центрально-Східній Європі: Зб. наук. пр. К.: Інститут історії України НАН України, 2000. Вип. 1. С. 383–385.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 2. № 1184. С. 783.

ми Кшиштофом. Гжимултовским и литовским канцлером Марцианом Огинским этот вопрос не поднимался и не обсуждался¹⁹.

Однако во время переговоров о заключении Вечного мира в Москве в распоряжении «оберегателя» кн. В. В. Голицына и руководства Посольского приказа оказался латинский текст польско-австрийского союзного договора 1683 г. Его предоставили польские великие послы во время консултации 2 (12) марта 1686 г. Тогда же они сообщили, что «и ныне де у королевского величества цесарской и венецыйской для крепости и верности того и резиденты есть»²⁰.

Польско-австрийский договор ранее был известен в Посольском приказе. Еще в мае 1684 г. австрийский посол барон Иоганн Криштоф Жеровский (Зеровский) привез в Москву латинскую копию текста этого соглашения²¹.

Договор 1683 г. стал первым соглашением стран-участниц Священной лиги. В силу этого утвержденные им нормы взаимодействия союзников задавали тон впоследствии присоединившимся к коалиции участникам антиосманского движения. Основанная на традиции и прецедентах дипломатия московского государства неизбежно должна была уделить пристальное внимание этому документу, особенно с учетом того, что договор о Вечном мире этот аспект никак не регулировал.

В этой связи представляется, что именно польско-австрийский договор 1683 г. подтолкнул руководство Посольского приказа к мысли возродить постоянные дипломатические миссии в Речи Посполитой и в Московском государстве, которые стали связаны союзническими обязательствами. В этом договоре, в частности, было зафиксировано намерение имперской и польской сторон, что «ближайшей ради пересылки резиденты с обеих сторон начал(ь)ные, в войне искусные, особо на то избранные, в сторонах пребывати будут»²². Обмен резидентами между Веной и Варшавой в договоре был обоснован необходимостью «воинскою думою друг при друге стоять» и потребностью «ближайшей (быстрой. — *Н. Д.*) пересылки»²³. Эти два аргумента, очевидно,

19 Подробнее см.: *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая... С. 300–370.

20 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 224. Л. 262об.

21 Перевод латинского текста договора см.: Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. СПб., 1862. Т. VI (с 1682 по 1685 год). Стб. 581–591.

22 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 224. Л. 121об.–122.

23 Там же. Л. 121 об.–122.

были широко распространены в Европе для обоснования организации постоянных миссий. Например, в 1673 г. их активно использовала польская сторона для убеждения царя Алексея Михайловича и его советников принять своего резидента²⁴. В конце 1680-х годов они вновь будут осмыслены московской дипломатией. У руководства Посольского приказа появилась возможность опереться на сложившуюся в странах-членах Священной Лиги практику обмена постоянными дипломатическими представителями, которую можно было поставить на службу все более насущной потребности контролировать уже собственного новоиспеченного союзника.

Идея повторить обмен резидентами между монархами Московского и Польско-Литовского государств, связанных договором о наступательном антиосманском союзе, возникла, как показал К. А. Кочегаров, в окружении кн. В. В. Голицына в мае 1686 года, после заключения договора о Вечном мире, когда польские послы готовились к отъезду из столицы. В ответ на предложения «оберегателя» М. Огинский был готов оставить человека из своей свиты, тем более что должность канцлера литовского давала ему возможность сразу снабдить его всеми необходимыми документами²⁵. Однако этому воспротивились коронные представители во главе с К. Гжимултовским, которые настаивали, что правом назначать резидента обладает исключительно король, опасаясь, что человек литовского канцлера будет «заботиться больше о торговле, нежели об общественных интересах»²⁶.

19 (9) мая 1686 г. в Москву прибыл для переговоров человек М. Огинского оршанский староста Самуил Эйсмонт, который среди прочих вопросов просил у кн. В. В. Голицына подтвердить готовность обменяться резидентами²⁷.

24 См. «любительную» грамоту короля Михаила Корибута Вишневецкого от 8 июля (29 июня) 1673 г.: «Для скорейшего и совершеннейшаго в делах общих во время сея войны, колико в сем году с тем имяни христианского неприятелем отправляющихся [...] понеже тем способом, егда при боку вашего царского величества наш резидент пребывати будет, сручнее и скорее нас, великого государя нашего королевского величества, от вас, брата нашего великого государя вашего царского величества, доходить будут ведомости» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 159. Л. 29–29об.).

25 Подробнее см.: *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая... С. 417; *Wójcik Z.* Epilog... S. 30–32.

26 Цит. по: *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая... С. 417.

27 Там же.

В это время Посольском приказе уже велась подготовка великого посольства боярина Бориса Петровича Шереметева, которое должно было засвидетельствовать присягу короля Яна III Собеского на договоре о Вечном мире. Как представляется, под влиянием просьбы С. Эйсмонта в наказ (инструкцию) великим и полномочным послам была включена специальная статья о резидентах, которую среди прочих надлежало вынести на обсуждение на переговорах с сенаторами после того, как король ратифицирует договор.

Обращение к черновику наказа великим послам подтверждает эту мысль. Статья о резидентах была составлена на двух отдельных листах почерком, отличным от почерка предыдущей и последующей статей, и вклеена на нужное место черновика наказа²⁸. Немногочисленные редакторские правки статьи носят стилистический характер. Очевидно, что она была добавлена уже в готовом виде и не предполагалась к включению в наказ изначально. Статья была разработана с учетом опыта работы «бывших резидентов», то есть В. М. Тяпкина и П. М. Свицерского. Кроме того, при разработке статьи о резидентах, как представляется, был использован опыт Речи Посполитой и Священной Римской империи, почерпнутый из договора 1683 г.

Предлагая польско-литовской стороне обмен постоянными дипломатическими представителями, в Посольском приказе исходили из двух обстоятельств: планов согласованных военных действий польских и московских войск против Крымского ханства и Османской империи и вытекающей из этого необходимости «скорого» обмена стратегической информацией между союзниками. Планы правительства кн. В. В. Голицына организовать «генеральный» поход русских войск на Крым требовали скорейшей высылки резидентов и налаживания работы постоянных дипломатических миссий при дворах союзных государей. Посольство Б. П. Шереметева должно было просить короля прислать своего резидента в Москву «вскоре в нынешнее время»²⁹. Формулировки статьи «наказа» о резидентах предусматривали возможность предоставить пальму первенства в возрождении постоянных дипломатических миссий польско-литовской стороне. Русские великие послы должны были просить у сенаторов и короля согласие на прибытие русского резидента и в подтверждение этого выслать в Москву своего. Только потом цари и их советники готовы были сделать ответный шаг «вскоре ж».

28 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 18. Л. 158–159.

29 Там же. Кн. 226. Л. 42.

Великие послы также должны были урегулировать ключевую проблему постоянных дипломатических миссий: за чей счет она будет содержаться? Этот вопрос стал предметом оживленной дискуссии между А. С. Матвеевым и П. М. Свицерским на переговорах осенью 1673 г.³⁰, а выработанное решение содержать резидентов за счет принимающей стороны на практике создало серьезные трудности в работе В. М. Тяпкина. Напротив, в 1686 г. великие послы должны были объявить, что стороны должны содержать своих постоянных дипломатических представителей за собственный счет. В то же время принимающая сторона должна была взять на себя обязательство оплатить резидентам двор и выдавать еженедельное жалованье в счет дров и конского корма. Таким образом, постоянному дипломатическому представителю обеспечивались достойные условия жизни при дворе союзного государя. Утверждение подобного подхода стало знаковой вехой адаптации московской дипломатической практики на западном направлении к европейским традициям, обозначив ее переход от традиционного представления о том, что посольство должно полностью находиться на содержании принимающего монарха, в сторону идеи о финансовой независимости постоянного дипломатического представительства.

Таким образом, в отличие от ситуации 1670-х гг., после заключения Вечного мира инициатором обмена резидентами стала русская сторона, которая была поддержана рядом литовских политиков во главе с канцлером М. Огинским. Король Ян III Собеский и его окружение долгое время не проявляли большого интереса к этой идее.

Великое посольство Б. П. Шереметева смогло изложить русскую позицию касательно возрождения постоянных дипломатических миссий во Львове 13 (23) декабря 1686 г. во время третьего «ответа» (раунда переговоров) комиссии, возглавляемой луцким епископом Станиславом Яном Витвицким³¹. Королевский ответ на это предложение, данный великим послам на следующий день, оказался неожиданным. Ян III Собеский не только поддержал идею возрождения постоянных миссий и пообещал, что «послан будет тот резидент к великим государем [...] вскоре»³², но выдвинул и встречное предложение. Король намеревался послать в российское государство не одного, а двух рези-

30 Подробнее см: запись... 5 (15) сентября 1673 г. (Там же. Кн. 159. Л. 51–56об.).

31 Там же. Кн. 226. Л. 72об.–73.

32 Там же. Л. 84об.

дентов: к царскому двору в Москву и в войска, действующие против Крыма. Царям-соправителям и их советникам была предоставлена возможность поступить таким же образом³³. У великих послов не было полномочий каким-либо образом обсуждать этот вопрос с польской стороной, поэтому Б. П. Шереметев вынужден был отговориться: «Наказано им [...] говорить только об одном резиденте. А что желает королевское величество в обоих сторонах по два резидента, и они [...] до великих государей [...] о том донесут»³⁴.

Идея отправки в Москву двух резидентов, «придворного» и «войскового» (военного атташе), отражала степень понимания польской элитой механизма циркуляции на международной арене информации о внутреннем положении в Российском государстве. Король и его советники с недоверием относились к готовности русской стороны исполнять взятые на себя по договору о Вечном мире обязательства и стремились обладать полной и достоверной информацией о намерениях и действиях «оберегателя» кн. В. В. Голицына и его приближенных. «Придворный» резидент в Москве, находясь в тысяче километров от театра войны с Крымом, мог бы смотреть на происходящее в московском войске только через призму официальных отчетов воевод, отредактированных в Посольском приказе. Дать объективную картину успехов и неудач Российского государства в войне с Крымским ханством могло доверенное лицо короля при московских войсках — «войсковой» резидент.

Появление «войскового» резидента привело к трансформации в глазах Яна III и его советников функций «придворного» резидента в Москве. Объявляя великим послам о готовности короля послать к царскому двору своего постоянного дипломатического представителя в «ответе» 14 (24) декабря 1686 г., комиссия С. Я. Витвицкого назвала основной его функцией «о всех приключаящихся пограничных делах доносить на обе стороны и те ссоры успокаивать»³⁵. Действительно, проблема разрешения пограничных споров и взаимных «наездов» шляхты, детей боярских и казаков была одной из самых обсуждаемых на переговорах как с кн. В. В. Голицыным в Москве, так и с Б. П. Шереметевым во Львове³⁶. Русская сторона последовательно отказывалась заниматься разбором всех этих конфликтов,

33 Там же. Л. 85.

34 Там же. Л. 85об.—86.

35 Там же. Л. 85—85об.

36 Подробнее см.: *Кочегаров К. А. Речь Посполитая... С. 322—326.*

предлагая передать их на рассмотрение специально назначенных от каждого государства межевых судей. Отсутствие у великого посольства Б. П. Шереметева полномочий решать подобные споры вызвало разочарование у короля и его советников, что, как представляется, и привело к мысли передать решение пограничных вопросов своему «придворному» резиденту.

Ян III Собеский и его советники живо ухватились за идею послать в Москву своего резидента. Уже 6 января 1687 г. (27 декабря 1686 г.) была составлена королевская «любительная» грамота, врученная великому посольству Б. П. Шереметева. В ней Ян III сетовал, что московские великие послы «полной до розговоров, как такожде и к совершению договоренных статей мочи, себе данной, не имели», и откладывал решение волнующих Речь Посполитую вопросов «до присылки, даст Бог, к Москве резидента нашего [...], который по воле и по повелению нашего королевского величества всякие желания наши пространно вам об(ъ)явит и предложит»³⁷. Впрочем, король проигнорировал просьбу великих послов «поволить» пребывание при своем дворе русского постоянного дипломатического представителя. В грамоте о взаимной присылке в Польско-Литовское государство московского резидента речи не шло, и необходимые гарантии, что он будет принят, даны не были.

Отсутствие каких-либо официальных гарантий польской стороны, что русский постоянный представитель будет принят при королевском дворе, заставляло «оберегателя» кн. В. В. Голицына медлить с его отправкой в Польско-Литовское государство. Очевидно, руководство Посольского приказа приняло решение положиться на проверенную практику: не стремиться проявить инициативу и дожидаться, пока польская сторона первой пришлет в Москву своего резидента. И только после этого организовать русскую миссию в Речи Посполитой, опираясь на статус и полномочия польского постоянного представителя.

Симптоматично, что до приезда в Москву польского резидента Е. Д. Довмонта в декабре 1687 г. руководство Посольского приказа специально не интересовалось, почему, несмотря на предложение великих послов обменяться постоянными представителями «вскоре в нынешнее время», дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Ни в официальных царских «любительных» грамотах, ни в письмах кн. В. В. Голицына, адресованных к сенаторам польско-литовского государства и пребывающим там дипломатам стран — союзниц Речи

37 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 226. Л. 122–122об.

Посполитой по Священной лиге, ни в наказах трем русским гонцам, посланным с царскими грамотами к Яну III Собескому, тема обмена резидентами не поднималась. Более того, посещавшие Польско-Литовское государство русские гонцы в своих отписках сверх «наказов» не фиксировали никакой информации, связанной с посылкой польских постоянных представителей в Московское государство.

Невнимание как короля Яна III, так и руководства Посольского приказа к проблеме обмена «придворными» резидентами имеет объяснение. В марте 1687 г. начался первый «генеральный» Крымский поход кн. В. В. Голицына, в связи с чем координация военных действий стала главной и основной темой контактов на любом уровне. Присутствие в войсках «главного министра» (по выражению Патрика Гордона³⁸) приковывало внимание короля и польско-литовских политиков к лагерю русских войск, в то время как их интерес к происходящему при дворе в Москве падал. Одновременно «оберегатель» кн. В. В. Голицын, при котором в полковой канцелярии находился и непосредственный руководитель Посольского приказа думный дьяк Е. И. Украинцев, был сосредоточен на текущих военных действиях, из-за чего не мог уделять достаточного внимания вопросу об обмене постоянными дипломатическими представителями. В Москве посольские дела были переданы неопытному «товарищу» «главного министра» — его сыну кн. Алексею Васильевичу Голицыну, деятельность которого сводилась к пересылке текущих документов к отцу в полки.

В 1687 г. приоритетной задачей Яна III и его советников стал сбор полной и достоверной информации о происходящем первом Крымском походе. Для этого король и коронный гетман Станислав Ян Яблоновский не ограничились отправкой своих «частократных посланцов» в войска кн. В. В. Голицына. Польско-литовские политики приступили к реализации своего плана, предложенного великому послу Б. П. Шереметеву: организации «войсковой» резиденции. В «любительной» грамоте, составленной 10 (1) августа 1687 г. и посланной в Москву с русским гонцом Иваном Чередеевым, король сетовал, что «вел(ь)можные гетманы [...] и на резиденцию урожденного Гласковского, человека рыцерского (то есть шляхтича. — Н. Д.), послали, которого в Киеве задержали было, не ведомо какой ради причины. И, зная, что еще где ныне задержан, понеже об нем стол(ь) долго никакой ведомости не имеем»³⁹.

38 Гордон П. Дневник, 1684–1689 / пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова; отв. ред. М. Р. Рыженков. М., 2009. С. 136.

39 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 230. Л. 360–361.

Подробных сведений о пребывании «лейтенанта одной из гусарских рот» Стефана Гласковского в качестве резидента при московских войсках в Крымском походе 1687 г. обнаружить не удалось. О пребывании С. Гласковского при русских полках кратко сообщил в своем дневнике П. Гордон, которому было поручено разместить польского «войскового» резидента. Прибыв в русский лагерь на р. Орель 15 (25) июля, вечером того же дня он был принят кн. В. В. Голицыным. Лейтенант подал «первому министру» королевскую грамоту, где излагались принципы новой «войсковой» резиденции: «необходимость иметь резидента в армиях обеих сторон и учредить почту для своевременного извещения и переписки, дабы можно было взаимно направлять и сообразовывать свои действия с продвижением и усилиями другой стороны». Спустя неделю, 22 июля (1 августа), когда войска стали лагерем на р. Коломак недалеко от Полтавы, польский резидент получил «отпуск» (прощальную аудиенцию) у кн. В. В. Голицына и был «отпущен с конвоем в сторону Киева»⁴⁰.

В кампанию 1687 г. король Ян III Собеский испытывал потребность иметь собственного представителя в русских полках, помимо посланцев и резидента, действовавших от имени коронного гетмана. Об этом намерении он официально уведомил Москву в уже цитированной «любительной» грамоте от 10 (1) августа 1687 г.: «Сверх того, — писал король, — еще мы [...] и урожденного До[в]монта, стол(ь)ника ковенского, послали есмы в войско вашего царского величества на резиденцию, дабы есмы тем скорейшую ведомость и пресовершеннейшую ссылку о всем имети возмогли»⁴¹. Так в Московском государстве стало известно имя польского дипломата, которому будет суждено возглавить возрожденную польскую дипломатическую миссию при царском дворе с 1687 по 1694 г.⁴², став преемником первого польского резидента в Москве П. М. Свицерского. Отъезд дипломата в Московское государство был подготовлен еще 19 (29) июля 1687 г.

Но планам короля не суждено было сбыться. 14 (24) августа русские войска, действовавшие против Крыма, получили указ о завершении похода и возвращении назад⁴³. Вероятно, когда сведения об этом достигли Яна III и его окружения, планы относительно

40 Гордон П. Дневник... С. 145.

41 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 230. Л. 360–361.

42 Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор... Ч. 3. С. 164.

43 Гордон П. Дневник... С. 153.

Е. Д. Довмонта были скорректированы, и его «войсковая» резиденция была заменена на «придворную». Предложения, озвученные Б. П. Шереметевым, снова стали актуальны в глазах короля и его советников.

Е. Д. Довмонт не был новым человеком для руководства Посольского приказа. Его имя было известно еще по донесениям резидента В. М. Тяпкина в 1670-е годы. Покоевый писарь и «ближний человек» литовского канцлера Кшиштофа Паца (двоюродного брата лидера «литовской оппозиции» того времени, великого гетмана литовского М. Паца), полоцкий городничий Довмонт нередко организовывал встречи своего патрона с первым русским резидентом⁴⁴. За свои услуги писарь получил от В. М. Тяпкина более 30 рублей пушнинаой⁴⁵. В 1680 г. Е. Д. Довмонт в качестве секретаря польского великого посольства, возглавляемого Константином Томицким, прибыл в Москву для переговоров о заключении мирного договора. Переговоры закончились безрезультатно, и послы вскоре покинули российское государство⁴⁶. Таким образом, к царскому двору был послан человек, тесно связанный с группой литовских политиков, возглавляемых канцлером М. Огинским.

В присутствии при царском дворе в Москве польского постоянного дипломатического представителя был заинтересован не только король, но и ряд влиятельных политиков Польско-Литовского государства. К ним, в частности, относился и канцлер Великого княжества Литовского М. Огинский, который не только связывал с успехом своей промосковской политики укрепление «литовской партии» в Речи Посполитой, но также имел тесные личные деловые связи с В. В. Голицыным⁴⁷. Появление резидента в Москве ставило бы контакты Огинского и Голицына на твердую регулярную почву и делало их более надежными. Именно поэтому канцлер в личном письме к «оберегателю» постарался дать рекомендации Е. Д. Довмонту заручиться благорасположением к нему «первого министра» и попросил через него «надежно» поддерживать контакты⁴⁸.

44 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 176. Л. 132.

45 Там же. Л. 358, 361об.

46 *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор... Ч. 3. С. 156.

47 Подробнее об этих связях см.: *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая... С. 417–418.

48 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 231. Л. 159.

Таким образом, ключевой предпосылкой возрождения постоянных дипломатических миссий в Москве и в Варшаве в 1680-е годы стал русско-польский наступательный антиосманский союз, оформленный договором о Вечном мире. Одной из главных причин появления в столицах союзных держав резидентов стало взаимное недоверие союзников и стремление следить за реализацией достигнутых в Москве договоренностей. В отличие от ситуации 1670-х годов, когда Польско-Литовское государство, заинтересованное в военной поддержке со стороны Москвы, выступило инициатором учреждения постоянных дипломатических представительств, в 1680-е годы идея возрождения обмена резидентами принадлежала руководству Посольского приказа. Оно опиралось, в первую очередь, на практику Священной лиги, которая предполагала присутствие резидентов союзников при дворах держав, воюющих против Порты. Предлагая Яну Собескому принять русского резидента, кн. В. В. Голицын преследовал две цели: во-первых, активизировать военные действия польских войск против Крыма, во-вторых, не допустить заключения польским королем сепаратного мира с Крымом и Османской империей и тем самым избежать повторения ситуации 1677 г., когда московские войска остались один на один с турецкими силами. Для наблюдения за действиями Яна Собеского кн. В. В. Голицыну был необходим доверенный человек при королевском дворе.

Ян III Собеский, напротив, в 1680-е годы не был заинтересован в присутствии в Польско-Литовском государстве русского постоянного представителя, а также не стремился посылать в Москву своего резидента. Король и его окружение отдавали себе отчет, что весной — летом 1687 г. во время военного похода русских войск на Крым реальный центр принятия решений будет находиться не в столице, а в «обозе». Именно поэтому Ян III Собеский настаивал на пересмотре русского предложения об отправке «столичных» резидентов и предлагал организовать в первую очередь «войсковые» постоянные представительства. Только после возвращения кн. В. В. Голицына в Москву король не без настояния литовского канцлера М. Огинского направил в Россию своего резидента Е. Д. Довмонта, наделенного полномочиями ходатайствовать о решении пограничных споров и защищать интересы польских подданных в Московском государстве. В ответ руководство Посольского приказа начало подготовку отправки своего постоянного представителя в Речь Посполитую.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России по 1800 г. М.: типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. Ч. 3. 319 с.

Белов М. И. К истории дипломатических отношений России во время Крымских походов (1686–1689) // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. 1949. Вып. 14. С. 154–188.

Гордон П. Дневник, 1684–1689 / пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова; [отв. ред. М. Р. Рыженков]. М.: Наука, 2009. 339 с.: илл.

Домрачев Н. Е. Становление русского постоянного дипломатического представительства в Варшаве в 1670–1680-е гг. под руководством резидентов В. М. Тяпкина и П. Б. Возницына. Магистерская диссертация (на правах рукописи). М.: Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2019. 311 с.

Колегов С. С. Постоянные дипломатические представительства России в Европе во второй трети XVII — начале XVIII в. Автореферат дис. ... к. и. н. Екатеринбург, 2011. 23 с.

Колегов С. С. Совместные антитурецкие действия России и Речи Посполитой в контексте дипломатической деятельности В. М. Тяпкина // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории: сб. науч. тр. студентов, аспирантов и мол. ученых. Екатеринбург: кафедра истории России, кафедра Новой и Новейшей истории, НИМП «Волот», 2008. Вып. 2. С. 72–80.

Колегов С. С. Дипломатическая деятельность русских послов на территории Речи Посполитой в 1688–1700 гг. // История в подробностях. 2011. № 4 (10). С. 42–47.

Колегов С. С. Проблема материального обеспечения постоянных дипломатических представительств России в Европе в третьей четверти XVII — первые годы XVIII столетий // Научный диалог: журнал научных публикаций. 2014. № 8 (32). (История. Экономика. Право). С. 15–37.

Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008. 504 с.

Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. СПб.: в типографии II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1862. Т. VI (с 1682 по 1685 год). 1718 стб.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб.: в типографии II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. 1. 1029 с.; Т. 2. 974 с.

Станіславський В. Статті гетьмана Івана Самойловича щодо Вічного Миру // Україна в Центрально-Східній Європі: Зб. наук. пр. Київ: Інститут історії України НАН України, 2000. Вип. 1. С. 348–384.

Титов Ф. И. Русская православная церковь в Польско-Литовском государстве XVII–XVIII вв. (1654–1795 гг.). Киев: типография И. И. Чоколова, 1905. Т. I. Западная Русь в борьбе за веру и народность в XVII–XVIII вв. Первая половина тома (1654–1725 гг.). Опыт церковно-исторического исследования. 394 с.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб.: в типографии II-го Отделения Собств. его имп. вел. канцелярии, 1858. Т. I. 496 с.

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013. 448 с.

Флоря Б. Н. Переговоры между Россией и Речью Посполитой о союзе против османов (1673–1676 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1. С. 61–75.

Kaminski A. Republic vs. Autocracy: Poland-Lithuania, 1686–1697, Cambridge: Harvard Ukrainian Research Institute, 1993. 312 p.

Wójcik Z. Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1968. 324 s.

Wójcik Z. Epilog traktatu Grzymałtowskiego w roku 1686 // Trudne stulecia: studia z dziejów XVII i XVIII wieku ofiarowane Profesorowi Jerzemu Michalskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin / red. Ł. Kądziała, W. Kriegseisen, Z. Zielińska. Warszawa: Semper, 1994. S. 27–45.

Wójcik Z. The separatist tendencies in the Grand Duchy of Lithuania in the 17-th century // Acta Poloniae historica. 1994. № 69. P. 55–62.

References

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (Moscow).

Bantysh-Kamenskii, N. N. *Obzor vneshnikh snoshenii Rossii po 1800 god*, ch. 3, Moscow: Tipografiia E. Lissinera and Iu. Romana, 1897, 319 s.

Belov, M. I. “K istorii diplomaticheskikh otnoshenii Rossii vo vremia Krymskikh pokhodov”. *Uchenyie zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoricheskikh nauk*, 1949, vyp. 14, s. 154–188.

Gordon, P. *Dnevnik, 1684–1689*. Per., st., primech. D. G. Fedosova, otv. red. M. R. Ryzhenkov. Moscow: Nauka, 2009, 339 s.: ill.

Domrachev, N. E. *Stanovlenie russkogo postoiannogo predstavitel'stva v Warshave v 1670–1680-e gody pod rukovodstvom residentov V. M. Tiapkina i P. B. Voznit-*

syna. Magisterskaia dissertatsiia (na prvakh rukopisi). Moscow: Istoricheskii fakultet MGU imeni M. V. Lomonosova, 2019, 311 s.

Floria, B. N. *Vneshnepoliticheskaia programma A. L. Ordina-Nashchokina i ponytki ee osushchestvleniia*. Moscow: Indrik, 2013, 448 s.

Floria, B. N. “Peregovory mezhdru Rossiĕi i Rech`iu Pospolitoi o soiuze protiv osmanov (1673–1676 gg.)”. *Drevniaia Rus`. Voprosy Medievistiki*, no. 1, 2017, s. 61–75.

Kochegarov, K. A. *Rech` Pospolitaia i Rossiia v 1680–1686 godakh. Zakluchenie dogovora o Vechnom mire*. Moscow: Indrik, 2008, 504 s.

Kaminski, A. *Republic vs. Autocracy: Poland-Lithuania and Russia, 1686–1697*. Cambridge: Harvard Ukrainian Research Institute, 1993, 312 p.

Kolegov, S. S. *Postoiannye diplomaticheskie predstavitel`stva Rossii v Evrope vo vtoroi treti XVII — nachale XVIII v.* Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Ekaterinburg, 2011, 23 s.

Kolegov, S. S. “Sovmestnye antituretskie deistviia Rossii i Rechi Pospolitoi v kontekste diplomaticheskoi deiatel`nosti V. M. Tiapkina”. *Aktual`nye problemy otechestvennoi istorii: sbornik nauchnykh trudov studentov, aspirantov i molodykh uchennykh*, vyp. 2. Ekaterinburg: kafedra istorii Rossii, kafedra Novoi i Noveishei istorii, NPMP “Volot”, 2008, s. 72–80.

Kolegov, S. S. “Diplomaticheskaiia deiatel`nost` russkikh poslov na territorii Rechi Pospolitoi v 1688–1700 godakh”. *Istoriia v podrobnostiakh*, no 4 (10), 2011, s. 42–47.

Kolegov, S. S. “Problema material`nogo obespecheniia postoiannykh diplomaticheskikh predstavitelstv Rossii v Evrope v tret`ei chetverti XVII — pervye gody XVIII stoletii”. *Nauchyĭ dialog: zhurnal nauchnykh publikatsii*, no 8 (32) (Istoriia, Ėkonomika, Pravo), 2014, s. 15–37.

Pamiatniki diplomaticheskikh snoshenii s Rimskoiu Imperieiu, vol. VI (s 1682 po 1685 god). Saint Petersburg: v tipografii II Otdeleniia Sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kanceliarii, 1862, 1718 stb.

Polnoe sobranie zakonov Rossiĭskoi Imperii, sobr. 1. Vol. 1. Saint Petersburg: v tipografii II Otdeleniia Sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kanceliarii, 1830, 1029 s; Vol. 2, Saint Petersburg: v tipografii II Otdeleniia Sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kanceliarii, 1830, 974 s.

Stanislavskiy, V. “Statti get` mana Ivana Samoilovicha shchodo Vichnogo Myru”. *Ukraĭna v Tsentral`no-Shkidniĭ Ievropi: Zb. nauk. pr.*, vyp. 1. Kyiv: Institut istorii Ukraĭni NAN Ukraĭni, 2000, s. 348–385.

Titov, F. I. *Russkaya pravoslavnaia cerkov` v Pol`sko-Litovskom gosudarstve XVII–XVIII vv. (1654–1795 g.)*, t. I, Zapadnaia Rus` v bor`be za veru i narodnost` v XVII–XVIII vv. Pervaia polovina toma (1654–1725 g.). Opyt cerkovno-istoricheskogo issledovaniia. Kiev: tipografiia I. I. Chokolova, 1905, 394 s.

Ustrialov, N. G. *Istoriia tsarstvivaniia Petra Velikogo*, vol. 1. Saint Petersburg: v tipografii II-go Otdeleniia Sobstv. ego imp. vel. kancelyarii 1958, 496 s.

Wójcik, Z. *Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1968, 324 s.

Wójcik, Z. “Epilog traktatu Grzymałtowskiego w roku 1686”. *Trudne stulecia: studia z dziejów XVII i XVIII wieku ofiarowane Profesorowi Jerzemu Michalskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin* / red. Ł. Kądziała, W. Kriegseisen, Z. Zielińska. Warszawa: Semper, 1994, s. 27–45.

Wójcik, Z. “The separatist tendencies in the Grand Duchy of Lithuania in the 17th century”. *Acta Poloniae historica*, no 69, 1994, p. 55–62.

Nikolay E. Domrachev
Lomonosov Moscow State University

Russia, the Polish-Lithuanian Commonwealth and the issue of restoration of permanent diplomatic missions at the end of 1680s

In the last third of the 17th century, the diplomatic relations between Muscovy and the Polish-Lithuanian Commonwealth were significantly modernized. The countries exchanged permanent diplomatic representatives called “residents” by the contemporaries. This process was connected to the increase in contacts between the two countries facing the Ottoman offensive in East and Central Europe. But the common external threat did not lead to the end of historical tensions between Muscovy and the Polish-Lithuanian Commonwealth that was reflected in the fate of the permanent missions. The latter were eliminated in 1677. Only after the Treaty of Perpetual Peace (1686) conditions were created to resume the activities of the residents. Meanwhile, the inner circle of Jan III Sobieski and the government of the Prince Vasilij V. Golitsyn had different views of the functions and goals of diplomatic representatives. A significant role in resuming the activities of the “residencies” played the mutual disbelief of the establishment of both countries and their wish to control the main actions of the ally.

Keywords: *Russia, Polish-Lithuanian Commonwealth, Russian-Polish relations in the 17th century, permanent diplomatic mission, Treatise of the Perpetual Peace.*